

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В движении России к революции, которая одна могла освободить страну от самодержавия и ликвидировать назревшие социально-экономические противоречия, революционная ситуация на рубеже 70—80-х годов XIX в. занимает особое место. Она возникла спустя два десятилетия после первого в стране революционного кризиса и лишь четверть века отделяет ее от революции 1905 г. Анализ закономерностей и специфических особенностей ее развития, которому посвящена данная монография, помогает понять русский революционный процесс в целом.

На рубеже 50—60-х годов XIX в. Россия пережила революционную ситуацию, явившуюся результатом кризиса феодально-крепостнической системы. Самодержавию тогда удалось, осуществив отмену крепостного права «сверху», предотвратить революцию «снизу». Вторая революционная ситуация рассматривается в данной работе как своеобразный итог развития страны за два пореформенных десятилетия. На ее страницах прослеживается, как реформа 1861 г., открыв дорогу капитализму, внесла в русскую жизнь новые противоречия, не ликвидировав до конца старых, феодально-крепостнических. Реформа сохранила их основу — крупное помещичье землевладение и малоземелье крестьян.

В пореформенных условиях крестьянство оказалось с урезанными и значительно ухудшенными средствами производства, обремененным сверхмерными платежами и повинностями. Выкупные платежи фактически включали не только стоимость земли, но и феодальных повинностей и обусловили хроническую задолженность крестьянства. Стремясь избавить государственные финансы от хронического дефицита, правительство повышало прямые и косвенные налоги, так и не перестроив феодальную систему налогообложения. Втягивание деревни в капиталистические отношения замедлялось и затруднялось феодально-крепостническими пережитками и шло особенно тяжело и мучительно для крестьянских масс. Сравнительно быстрое развитие промышленности и железных дорог, происходившее за счет ограбления деревни, сопровождалось ее разорением, истощением основной производительной силы страны. Но и на темпах индустриализации сказывалась узость внутреннего рынка — результат низкой платежеспособности крестьянства. Вся пореформенная социально-экономическая политика самодержавия, направляемая интересами

отживающего класса помещиков, неминуемо вела страну к общенациональному кризису. Переплетение зрелых форм капитализма с самыми грубыми пережитками крепостничества, новейших способов капиталистической эксплуатации с неизжитыми кабалой и отработками — все это создавало в стране тот особый накал противоречий, который неумолимо выдвигал вопрос о революции.

Характерный признак революционной ситуации, ее симптом и фактор — «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹ — возник не только как следствие русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Неурожай, голод, рост цен — все проявления бедственного положения масс — были прямым итогом антинародной политики самодержавия.

Решение задач, выдвинутых русской жизнью — ликвидация самодержавия, демократизация политического строя, уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества — имело в то время самое непосредственное и важное значение для международного пролетарского движения — его судеб и перспектив. В глазах вождей пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса надвигающаяся русская революция становилась частью мирового революционного процесса, передним краем борьбы европейского пролетариата. Этим объясняются и многочисленные отклики на события в России в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. за рубежом, широкое воздействие этих событий на европейскую общественно-политическую жизнь.

В этой работе впервые предпринята попытка исследовать важнейшие факторы революционной ситуации 1878—1882 гг. в их взаимодействии и сложной внутренней взаимосвязи. Воссоздание единой и цельной картины крестьянской борьбы дает читателю представление о том, как проявлялось нежелание низов жить по-старому. Крестьянское движение в конце 70-х — начале 80-х годов было значительно слабее происходившего во время подготовки и проведения реформы 1861 г. Но, как показано в этой монографии, оно явилось не менее важным фактором, чем на рубеже 50—60-х годов. Ярко и определенно обнаружилась глубокая, подспудная работа, которая незаметно, но неуклонно шла в крестьянстве. Настойчивость и повсеместность слухов о «переделе» земли, которые ширились, несмотря на полицейские преследования, свидетельствовали не только о наивно-монархических иллюзиях крестьянства, но и о том, что оно не согласно было считать существующий в деревне порядок ни стабильным, ни справедливым. И хотя экстраординарной активности масс — в смысле их готовности к самостоятельному историческому действию — не было даже в разгар второй революционной ситуации, приверженцы старого порядка явственно ощущали «мятеж, бушевавший в недрах народа». «Казалось можно было ожидать с часу на час взрыва, перед которым померкли бы ужасы Французской революции», — признавался один из «сторожевых псов самодержавия», М. Н. Катков².

События в России показали, какую огромную ненависть к существующему строю накопили народные массы. В этом смысле русская деревня на рубеже 70—80-х годов явилась провозвестницей неминуемой народной революции, которая и свершилась 25 лет спустя.

Период второго демократического подъема характеризовался более сложной расстановкой классовых сил в стране, чем это было на рубеже 50—60-х годов. К этому времени возникли первые рабочие организации, выдвинувшие требование политических свобод и ликвидации самодержавного строя. В монографии рассматривается роль и место пролетариата в общем натиске на самодержавие, взаимодействие его борьбы с условиями революционной ситуации. Именно в этой борьбе русский рабочий класс, только вступивший в политическую жизнь, получил первую боевую закалку, сделал начальные шаги в развитии своего демократического сознания — необходимой ступени сознания классового. За годы общественного подъема, как читатель увидит из данного исследования, революционное воспитание пролетариата значительно продвинулось вперед. Борьба рабочих в специфических ее формах — стачек, забастовок — усилила демократический лагерь, повлияв на углубление социальных и политических противоречий в стране, способствовала развитию революционной ситуации, обострению кризиса «верхов».

Более широко и активно — по сравнению с первым общественным подъемом — проявило себя студенческое движение. Разнородная по социальному составу студенческая масса примыкала к разным политическим течениям, но большинство передовой молодежи явилось резервом пополнения организаций «Народная воля» и «Черный передел», создания революционных кружков во всех крупных учебных заведениях. Студенческое движение этого периода часто выходило за рамки чисто академических требований, выдвигало характерный для всего демократического лагеря лозунг ликвидации самодержавия.

Исследуется в монографии и роль либерального движения в развитии революционного кризиса, его влияние на политику «верхов», взаимодействие с другими факторами революционной ситуации. Обнаружив в начале демократического подъема определенное недовольство существующим политическим режимом, либералы, казалось, склонны были использовать борьбу революционеров с тем, чтобы вырвать у самодержавия некоторые уступки. Либеральная печать критиковала полицейский произвол и бесправие, говорила об общественном неустройстве и намекала на необходимость «послаблений». Однако, ожидая от самодержавия уступок, либералы отказались от участия в открытой, активной борьбе с существующим строем. В разгар революционной ситуации они приветствовали «диктатуру сердца», увидев в ней новый «либеральный» курс власти. С развитием кризиса либерализм, напуганный размахом общественной борьбы и бескомпромиссностью действий революционеров, деморализованный репрессивной по-

литикой самодержавия, все более отходит от лагеря демократии. К концу революционной ситуации либералы вплотную сомкнулись с лагерем реакции против революции, заговорив об «умиротворении» и «твердой власти», как самых насущных задачах для страны. Так либералы снова продемонстрировали двоедушие, типичное для них в критические фазы истории, склонность к соглашательству с реакцией, политическую недееспособность.

Другим по сравнению с первой революционной ситуацией был уровень самого революционного движения. Если во время кризиса самодержавия в 1859—1861 гг. отсутствовала общероссийская революционная организация («Земля и воля» возникла в 1862 г.), то во время второго демократического подъема уже действовала сплоченная централизованная конспиративная организация — «Народная воля», основанная в ходе вызревания революционной ситуации, под ее непосредственным воздействием. Ее боевым союзником — несмотря на идейные разногласия — выступил «Черный передел». Борьбе народолюбцев в условиях всеобщего недовольства суждено было сыграть ведущую роль в натиске на самодержавие.

Народолюбческий террор наносил самодержавию серьезные удары, действительно устранил самодержавие, заставил его пойти на уступки³. Единственная в стране политическая партия — партия крестьянской демократии — явилась в годы революционного кризиса концентрированным выражением народного протеста, представительницей многомиллионного крестьянства, его вековых стремлений к земле и воле. В этом представительстве — объяснение того устрашающего воздействия на правительство «горсти героев», результативности их единоборства с самодержавием при отсутствии прямой и открытой поддержки самих крестьянских масс, еще не проснувшихся к политической жизни. В течение нескольких лет это единоборство приковывало к себе внимание всего мира.

Борющиеся силы сознавали чрезвычайность обстановки, сложившейся в стране, необычный и решающий характер момента. «Теперь или никогда», — бросили клич народолюбцы, доказывая, что сами обстоятельства — очевидное недовольство народных масс, обнаружившееся государственное банкротство самодержавия, сложность европейской политики — облегчают борьбу за захват власти. «Теперь или никогда» — этот же лозунг звучал и в обращении к «верхам» идеолога самодержавия М. Н. Каткова, в его призывах к самой решительной расправе с революцией — «железом и кровью». Свообразно перекликаясь с дилеммой «Народной воли», он выражал тот предельный накал, которого достигла в стране борьба за власть. Народолюбцы были уверены, что она станет прелюдией крестьянской социалистической революции. Но между стремлением революционеров слиться с движением крестьянских масс и тем путем, который они избрали, существовало непримиримое противоречие. Как писала ленинская «Искра», тяга народолюбцев к народному движению, ожидание его не ме-

шали их террору» в силу внутренней логики, присущей этому способу борьбы, быть на деле «отрицанием всякого народного движения»⁴.

Перед лицом острейших социально-экономических противоречий, тормозивших дальнейшее развитие страны, ввергнувших ее в общенациональный кризис, в России не оказалось ни достаточно зрелого революционного класса, способного совершить революцию, ни партии, могущей ее возглавить.

В монографии выявлена особая острота кризиса «верхов», на рубеже 1870—80-х годов. По выражению В. И. Ленина, он касался «основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его», «фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»⁵, явившись проявлением, симптомом общего кризиса самодержавия как формы власти, вступившей в противоречие с общенациональными интересами, со всем ходом дальнейшего развития страны. Падению авторитета правительства способствовала война 1877—1878 гг., давшая новые доказательства неспособности самодержавного правления. В специальной главе показано, как дипломатические неудачи правящего лагеря, в частности поражение на Берлинском конгрессе, усиливали общественное недовольство, а также возбуждали новые противоречия в «верхах». Взаимодействие внешней и внутренней политики самодержавия углубляло революционный кризис.

В условиях всеобщего недовольства и активности масс абсолютизм обнаруживает неспособность управлять «по-старому» — на основе обычного законодательства и существующих государственных учреждений. Рассматривая переход власти к исключительным законам, к учреждению новых органов управления, анализируя колебания правительственного лагеря, отсутствие в нем единой линии, монография воссоздает картину кризиса «верхов» в его разнообразных проявлениях, во взаимосвязи с общественной жизнью страны.

Опыт политической борьбы этого времени еще раз подтверждает, что реакционная власть, казалось бы изжившая себя, вступившая в открытый антагонизм с большинством населения, при отсутствии достаточно широкого и организованного массового движения может удержаться насильем и репрессиями. Самодержавие, разумеется, не пошло на «самоликвидацию», которой ждал от него демократический лагерь. Чем более ощущал абсолютизм непрочность своего положения, тем более напрягал силы в борьбе за самосохранение. Жестко подавив революционное движение, дезорганизовав либеральное, правящий лагерь поспешил заявить о незыблемости основ существующего строя.

В лице своих идеологов абсолютистская власть извлекла из развития революционного кризиса определенные уроки. Время после подавления демократического подъема вошло в историю как период реакции и контрреформ. Это была попытка «охранителей» устранить из русской жизни противоречия, внесенные реформами 1860-х годов, и вернуть ее к дореформенной общественно-полити-

ческой «целостности», тем самым предохранив от повторения революционных кризисов и потрясений. Как ни ясна казалась эта задача, как ни отчетливо понимали в «верхах» необходимость ее решения, осуществить эти замыслы не удалось. Ни одна из контрреформ, так и не была воплощена в жизнь в том виде, в каком она планировалась властью. Немалое значение при этом имело продолжавшееся воздействие на внутреннюю политику самодержавия революционной ситуации, уже, казалось, давно отодвинутой в прошлое. Страх «верхов» перед растущим освободительным движением усиливался воспоминаниями о пережитом потрясении и в определенной мере сдерживал напор реакционных стремлений.

Свой глубокий след революционная ситуация оставила и в общественной жизни и в русской культуре. События этих неповторимых лет отразились в искусстве и литературе, послужив творческим стимулом, дав сюжеты и идейный замысел целому ряду великих произведений.

В развитии русского освободительного движения революционная ситуация 1878—1882 гг. заняла особое место как период *действия*, период проверки на практике многих положений господствующей народнической идеологии, проверки программ и тактики народнических организаций. Путь передовой русской мысли к верной революционной теории состоял не только в простом знакомстве с более прогрессивной идеологией, с опытом борьбы в западных странах. Это прежде всего был путь «обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁶. За несколько лет, наполненных борьбой особого накала, особого напряжения сил, острого столкновения классовых и политических интересов, предельно откровенного проявления себя всеми партийными и общественными группировками русское освободительное движение накопило опыт, на приобретение которого при обычном течении жизни понадобились бы десятилетия. В этом смысле революционная ситуация явилась своеобразным катализатором процессов, происходящих в крестьянской демократии, усилив в ней борьбу течений, идейное размежевание.

Несомненно, что практический опыт народолюбцев способствовал избавлению движения от ряда вредных иллюзий, а этому марксизм всегда придавал важное значение. Сама обстановка революционной ситуации, выдвинувшая на первый план политические задачи, помогла освободиться революционерам от бакунизма, от пренебрежения к политике, от нигилизма по отношению к демократическим свободам. Но руководствовавшиеся ненаучной теорией, революционеры, преодолев анархизм, попали в плен иных иллюзий — по своей сути бланкистских. В движении возникла уверенность, что революционная интеллигенция захватом власти сможет создать условия для социального переворота, что она может действовать при желательном, но не обязательном участии народа. Действия народолюбцев в период революционной ситуации — в условиях, казалось бы, наиболее благоприятных для захвата власти, — показали несостоятельность подобных верований.

Правда, сами революционеры-разночинцы не смогли правильно осмыслить уроки революционного кризиса, не сумели понять истинных причин своего поражения. Они искали их в ошибках тактики и с этой стороны пытались пересмотреть свою программу, не подвергая критике ее основ. Но опыт революционной практики приходил в явное противоречие с догмами народофильской идеологии — с ее решением проблемы революции, соотношения в ней народа и революционного меньшинства, с ее пониманием политической борьбы как заговора.

Последующее поколение революционеров сделало из него верные и жизненно важные для дальнейшего развития движения выводы. Несомненно, что В. И. Ленин, определяя закономерности развития революционной ситуации, имел в виду и опыт народофильцев, когда противопоставлял органическое перерастание революционного кризиса в восстание искусственному переходу к нему⁷.

Именно первым русским марксистам пришлось решать задачу, так и не решенную народофильцами — задачу слияния политической борьбы с классовой, превращения ее из заговорщической в массовую. В брошюре Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшей в 1883 г., она решается путем непосредственного обращения к опыту только что отрешившей битвы «Народной воли» с самодержавием. Анализируя ее уроки, Плеханов делает вывод, который необычно, как некая ересь, прозвучал для народофильцев: «Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*»⁸.

Отрицая коренные принципы народнической идеологии, отказываясь от ее понимания политической борьбы, молодая русская социал-демократия выступила преемницей тех назревших, но так и не реализованных на рубеже 1870—80-х годов требований — и в первую очередь свержения самодержавия. Пролетарская партия в России сразу же заявила, что идет к этой цели «ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»⁹. Тем самым новое поколение русского освободительного движения подтверждало историческую необходимость и закономерность выдвижения своими предшественниками лозунгов демократических преобразований.

Уроки борьбы и поражений на рубеже 1870—80-х годов еще раз подтверждают, что революционное движение, в основе которого заложены назревшие жизненные потребности народа, интересы нации, не может быть искоренено насилием — каким бы решительным и бесповоротным ни казалось торжество этого насилия. Социально-политические и экономические противоречия, вызвавшие революционную ситуацию, не были ликвидированы победой сил реакции. Ни один из коренных вопросов русской жизни, подготовивших кризис, не был решен. Отдаление революции «сверху» насилием оборачивалось приближением ее «снизу», вело

«к нарастанию старого кризиса на иной более высокой ступени капиталистического развития России»¹⁰. Между несостоявшейся на рубеже 1870—80-х годов революцией и выступлением народных масс в 1905 г. прошло всего два с половиной десятилетия.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

² Московские ведомости, 1885, 17 сент. Передовая.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 267; т. 6, с. 173; т. 5, с. 39.

⁴ Кое-что о терроре. — Искра, Л., 1925, вып. 1, с. 79.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300—301.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 364.

⁸ Плеханов Г. В. Соч. 3-е изд. М. Б. г., т. 2, с. 58—59.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 21.